**ПРЕПОДАВАНИЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА
В ВУЗАХ КАЗАНИ В 1920-Е ГГ.: ОТ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ К ДАЛЬТОН-ПЛАНУ**

Л.А. Бушueva

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
bushueva9@mail.ru*

В статье изучен процесс становления преподавания татарского языка в вузах Казани 1920-х гг. на примере институтов гуманитарного профиля: Северо-восточного археологического и этнографического института, Восточной академии и татарского национального отделения Восточного педагогического института. Исследование базируется на широком круге неопубликованных источников из фондов Государственного архива Республики Татарстан.

В работе рассмотрены учебные программы дисциплин, в рамках которых изучался татарский язык, формы и методы обучения татарскому языку, а также формирование коллектива специалистов, преподававших татарский язык в данный период. Особое внимание уделено изучению общественно-политических условий, в которых развивалось преподавание татарского языка. Установлено, что в первые годы советской власти татарский язык в вузах Казани преподавали, главным образом, востоковеды. Поэтому обучение этому предмету было тесно связано с востоковедческими и источниковедческими дисциплинами. Студенты осваивали не только разговорный татарский язык, но и учились работать с памятниками древнетюркской письменности.

Во второй половине 1920-х гг. преподавание татарского языка было направлено в первую очередь на подготовку учителей родного языка. Этот период развития преподавания татарского языка в вузах Казани отличался нестабильностью учебных программ, внедрением новых методов обучения, в том числе Дальтон-плана, и сменой преподавательского состава.

Ключевые слова: преподавание татарского языка, Северо-восточный археологический и этнографический институт, Восточная академия, национальные отделения Восточного педагогического института.

Для цитирования: Бушueva Л.А. Преподавание татарского языка в вузах Казани в 1920-е гг.: от древнетюркской письменности к Дальтон-плану // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 2. С. 208–220. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.208-220>

В XX в. преподавание татарского языка стало важной частью образовательного процесса в вузах ТАССР. Татарский язык как учебный предмет начал активно внедряться в высшую школу в первые годы советской власти, что привело к созданию ряда крупных образовательных институций, готовивших научные и педагогические кадры по татарскому языкознанию. На сегодняшний день, благодаря работам З.Н. Кирилловой, подробно рассмотрен процесс реализации татарского языка в государственных учреждениях, предприятиях, школах и вузах разного профиля, начавшийся в республике после принятия Декрета ЦИК Совнаркома 25 июня 1921 г. (Кириллова, Калганова 2019). В многочисленных исследованиях специалистов в области татарской филологии изучено научное наследие языковедов 1920-х гг. и оценен их вклад в развитие татарской лингвистики (Мирзагитов, Юсупов 2006). В данной статье мы затронем некоторые аспекты институционализации преподавания татарского языка в высшей школе ТАССР в 1920-е гг. на примере институтов, готовивших специалистов по татарскому языкознанию.

Татарский язык на востоковедческих отделениях вузов Казани

До 1917 г. единственным светским высшим учебным заведением в Казанской губернии, где велось преподавание татарского языка, являлся Казанский университет. Учебные программы этого учебного заведения предусматривали курс турецко-татарских наречий, который читался на классическом отделении историко-филологического факультета (Обозрение 1909: 15). Накануне революций 1917 г. этот курс преподавал известный востоковед Н.Ф. Катанов, служивший здесь в должности исполняющего обязанности экстраординарного профессора (Обозрение 1917: 16). В 1910-х гг., когда в Казанском университете начал работать выпускник восточного факультета Петербургского университета С.Е. Малов, курс «Турецко-татарские наречия» стал заметно шире. Молодой востоковед преподавал «Турецкую диалектологию» и «Старо-турецкую письменность» (Обозрение 1917: С. 2).

Дисциплины, читаемые Н.Ф. Катановым и С.Е. Маловым, сохранялись в учебных планах историко-филологического факультета Казанского университета вплоть до 1920 г. Кроме них, преподавателем турецко-татарских наречий также был известный исследователь чувашского языка Н.И. Ашмарин, перешедший в университет из Казанской инородческой учительской семинарии (ГА РТ Р-1337: Д.18. Л.21). В первые годы советской власти эти предметы оставались курсами по выбору, а к 1921 г. исчезли из учебных планов университета вместе с ликвидацией историко-филологического факультета.

В 1917 г. в Казани открылось высшее учебное заведение, претендовавшее на статус нового центра казанской ориенталистики, в котором преподаванию татарского языка отводилось особое место. Этим вузом являлся Северо-восточный археологический и этнографический институт (далее

СВАЭИ). Он был организован по инициативе профессоров Казанского университета при поддержке местной интеллигенции и таких национальных организаций, как Союз мелких народностей Поволжья. Главный устроитель СВАЭИ профессор С.П. Покровский связывал создание института с общественно-политическими вызовами, которые стояли перед Российской империей в этот непростой исторический период. На открытии института, состоявшемся в начале октября 1917 г., он говорил: «Судьба государства зависит от того, какую судьбу мы будем готовить в нашем государстве другим народам, в нем живущим. Судьба России слита с судьбами этих народов. Мы должны помнить, что прочность государства достигается соединением и организацией всех сил, сохранением и сложением внутренних сил общежития. Но для этого существует один путь – надо дать простор для правового и культурного развития различных народностей. При таком только условии государство русское будет сознаваться всеми национальностями как величайшая для них социальная ценность... Помочь разрешить проблему национального самоопределения различных народностей – таковой задачей должен служить в настоящее время Северо-восточный археологический и этнографический институт» (ГА РТ Р-1339: Д. 4. Л. 15). Главным условием для решения этой задачи С.П. Покровский называл создание широкого слоя образованной национальной интеллигенции, обучением которой и должен был заниматься СВАЭИ.

Институт открылся с разрешения Министерства народного просвещения Временного правительства, но фактически был от него независим, так как существовал на частные средства. Преподавательский коллектив самостоятельно формировал учебные планы института, принимал студентов, решал кадровые вопросы. Вуз состоял из этнографического, археологического и археографического отделений, с 1919 г. здесь заработало точное отделение.

Основными предметами изучения в институте стали история, этнография, археология, а также языки народов Поволжья и Приуралья (русский, татарский, чувашский, черемисский, вотский). Большинство учебных дисциплин СВАЭИ были обязательны для всех слушателей. По этим предметам воспитанники должны были сдавать зачеты в конце каждого полугодия (ГА РТ Р-1339: Д. 16. Л. 7, 131).

Татарский язык в институте преподавали университетские востоковеды – Н.Ф. Катанов, С.Е. Малов и Н.И. Ашмарин. Знакомство с языком начиналось на первом году обучения с курса С.Е. Малова «Общий обзор турецких племен и наречий» (ГА РТ Р-1339: Д. 16. Л. 7). Его посещали студенты всех отделений вне зависимости от уровня знания татарского языка. Предмет делился на несколько частей. В первой части слушатели получали общие сведения об «алтайской группе племен». Согласно учебной программе, на занятиях рассматривалось в первую очередь тюркское население Поволжья, Приуралья, Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии («турецкое население Абакана, турецкое население Китайского Туркеста-

на, Русского Туркестана, якуты, волжские и дунайские болгары, хазары, буртасы, чуваша, турки-османы, крымские татары, казанские татары, мишари, башкиры, тептяри»).

Вторая часть курса С.Е. Малова была посвящена собственно изучению «турецких наречий». Студенты рассматривали их классификацию, фонетику («гласные и их историю, согласные, ударения»), грамматику («имя существительное, глагол и спряжение, частицы, имя числительное и древняя система счета, склонения, падежи, местоимения, их происхождение и склонение»). Особое внимание преподаватель уделял вопросам сходства и различий между различными тюркскими языками, в том числе между казанско-татарским и чувашским (ГА РТ Р-1339: Д.2. Л. 37). С.Е. Малов рассматривал на занятиях древние тюркские источники, а также работы известных петербургских тюркологов В.В. Радлова, Э.К. Пекарского и казанских ученых – Н.Ф. Катанова и Н.И. Ашмарина.

На втором году обучения студенты слушали курсы Н.И. Ашмарина «Татарские местные наречия» и «Граматику татарского языка», а также посещали практические занятия под руководством профессора по чтению татарских текстов. В 1920 г. после отъезда ученого из Казани в Симбирск эти предметы стал вести декан восточного отделения Н.Ф. Катанов.

В 1920/21 учебном году цикл дисциплин по татарскому языкознанию в Северо-восточном археологическом и этнографическом институте расширился. Для студентов второго курса всех отделений С.Е. Малов начал читать народную словесность турецко-татарских племен. Студенты отделения востоковедения помимо вышеперечисленных предметов слушали курс Н.Ф. Катанова «Турецко-татарские наречия Сибири и Туркестана» (ГА РТ Р-1339: Д. 4. Л. 53), историю татарской литературы, а также курсы С.Е. Малова «Казанско-татарский язык», «Язык древних тюрок» и источниковедческие дисциплины – «Восточную палеографию», «Обзор источников местного края». (ГА РТ Р-1339: Д. 2. Л. 131). Читая эти предметы, преподаватели СВАЭИ, по-видимому, ориентировались на учебные программы разряда турецко-татарской словесности факультета восточных языков Петроградского университета (Обозрение 1915: 7–9). Об этом свидетельствует существенная доля теоретических курсов и источниковедческие дисциплины. Студенты СВАЭИ должны были не только знать грамматику, фонетику татарского языка, освоить разговорные навыки, но и уметь работать с памятниками древнетюркской письменности.

В 1921 г. автономный период существования СВАЭИ закончился. К тому времени уже были закрыты такие центры гуманитарного образования Казани, как историко-филологический факультет Казанского университета и Высшие женские курсы. Северо-восточным археологическим и этнографическим институтом заинтересовались представители татарской общественно-политической элиты. Галимзян Шараф, занимавший в этот период пост руководителя востоковедческого отдела Академического центра Татнаркомпроса, Ф.К. Сайфи, являвшийся членом коллегии Татнар-

компроса, и А. Енбаев – заместитель наркома земледелия ТАССР – инициировали дискуссию об этом вузе в научном отделе Наркомпроса ТАССР. Они критиковали его за сложный уровень учебных программ, труднодоступный для студентов, не получивших среднего образования в классических гимназиях или реальных училищах, а также большое количество специализированных предметов. Г. Шараф, Ф.К. Сайфи и А. Енбаев настаивали на том, что СВАЭИ «не удовлетворяет культурным запросам татарского населения» и требовали преобразования института в «татарский вуз» для подготовки партийных и культурных кадров, а не научных работников. Единственным языком преподавания в институте, по их мнению, должен был стать татарский язык (ГА РТ Р-225: Д. 8. Л.17). Вопрос о закрытии СВАЭИ был практически решен, однако профессорам Б.Н. Вишневскому, М.В. Бречкевичу, А.М. Миронову и М.Г. Худякову удалось добиться от коллегии Наркомпроса ТАССР принятия компромиссного варианта реорганизации института – проекта Восточной академии.

В 1921 г. Северо-восточный археологический и этнографический институт был реорганизован в Восточную академию в составе историко-археологического, этнографического и словесного факультетов. Из старых учебных программ института были удалены такие предметы, как история религий, исламоведение, история ислама среди народов Поволжья, история Золотой Орды, история христианской археологии, история искусств эпохи Возрождения, и добавлены общественно-политические дисциплины – исторический материализм, политический строй РСФСР и другие (ГА РТ Р-225: Д. 8. Л. 28). В число основных предметов для студентов всех отделений входил один из восточных языков. При этом студенты, не знавшие татарского языка, как правило, выбирали его. Владевшие татарским языком изучали арабский или персидский языки (ГА РТ Р-225: Д. 8. Л. 14).

Словесный факультет академии, организованный для подготовки специалистов по языкам народов Востока, первоначально должен был состоять из турецко-татарского и финно-угорского отделений. Однако в 1921 г. открылось только турецко-татарское. Татарский язык занимал самое большое количество часов в учебных планах этого отделения. Студенты занимались по этому предмету 4 раза в неделю по одному академическому часу. Впервые в вузовской практике Казани учащиеся делились на группы по уровню знания языка (ГА РТ Р-225: Д. 8. Л. 15). Кроме того, Восточная академия стала вузом, в котором получили возможность преподавать представители татарской интеллигенции, не имевшие ученых степеней российских университетов, и назначавшиеся сюда по новому законодательству без всероссийского конкурса. Г.Ш. Шараф, Джамал Валиди и Гали Рахим, наряду с Н.Ф. Катановым и С.Е. Маловым, начали преподавать татарский язык, научную грамматику, историю татарской литературы, турецко-татарскую словесность для студентов словесного отделения. Г. Шараф также вел татар-

ский язык для русскоязычных студентов историко-археологического и этнографического отделений. (ГА РТ Р-225: Д.8. Л.15).

В 1922 г. Восточная академия вместе с Высшим институтом народного образования и факультетом общественных наук Казанского университета вошла в состав Восточного педагогического института (далее ВПИ). Институт был создан для решения практических задач – подготовки учителей для школ второй ступени. Он был открыт в составе физико-математического, словесно-исторического, биолого-географического и восточного отделений. Татарский язык вошел в программу восточного отделения. Ведущим преподавателем этого предмета в ВПИ стал Г. Шараф, так как в 1922 г. Н.Ф. Катанов ушел из жизни, а С.Е. Малов уехал в Петроград. Поскольку Г. Шараф не был по образованию востоковедом, его занятия со студентами имели практическую направленность. Его слушатели делились на три группы в зависимости от уровня владения татарским языком: русскоговорящие-начинающие, русскоговорящие-продолжающие и свободно владеющие татарским языком. Ученый стремился выработать у своих воспитанников речевые умения и навыки. Согласно отчетам, в русскоговорящих группах студенты общались на татарском языке с преподавателем, читали тексты, писали и таким образом осваивали структуру языка. В качестве учебного пособия Г. Шараф использовал вышедший в 1923 г. учебник Ахметхади Максуди «Татарстан. Самоучитель татарского языка для русских, составленный по индуктивному методу и десятичной системе». Но он называл это руководство неудобным для вузовских занятий (ГА РТ Р-1487: Д. 39. Л. 58). По словам Г. Шарафа, к концу учебного года начинающие слушатели «научились писать и читать, конструкции фраз, прошли основные наиболее употребительные моменты морфологии, получили некоторые сведения по синтаксису и орфографии» (ГА РТ Р-1487: Д. 39. Л. 58). Для слушателей-татар ученый читал лекции, на которых он знакомил их с основами грамматики татарского языка, а также с теорией и практикой новой орфографии.

На отделении востоковедения ВПИ предусматривался курс научной грамматики татарского языка для студентов-татар, который вел Джамал Валиди. Однако из-за малочисленности студентов этот курс фактически был сорван. «Слушателей было 4 человека, исключительно татары. В первом семестре посещали аккуратно, а во втором плохо, особенной активности не проявляли. Пройдена была только фонетика», – писал в отчете Д. Валиди (ГА РТ Р-1487: Д. 39. Л. 57).

Преподаватели отделения востоковедения ВПИ не могли смириться с педагогическим уклоном своей деятельности и надеялись возродить востоковедческий научно-исследовательский центр в рамках института. Как отмечал профессор В.И. Анучин: «Оставаться под фальшивую вывеской «Отделения Востоковедения», т.е. вводя в заблуждение и центр, и наших студентов, так как Востоковедения у нас не было, а создать его Правление запрещало, ...было зазорно» (Валеев, Валеева, Хайрутдинов 2020: 72). По-

теру Н.Ф. Катанова и С.Е. Малова руководство отделением пыталось компенсировать приглашением в Казань столичных востоковедов. В 1925 г. в Восточный педагогический институт приехал известный тюрколог А.Н. Самойлович, в то время занимавший пост ректора Ленинградского института живых восточных языков. Ученый провел в Казани чуть меньше месяца, в течение которого интенсивно занимался с казанскими студентами. Его учебный курс имел сходство с курсом С.Е. Малова «Общий обзор турецких племен и наречий», о котором говорилось выше. Для первокурсников А.Н. Самойлович прочитал цикл лекций «Введение в тюркологию», студенты второго и третьего курсов были поделены на татарскую и русскую группы. Русская группа занималась по предмету «Грамматика казанско-татарского языка в сравнительно-историческом освещении», а со слушателями, свободно владеющими татарским языком, А.Н. Самойлович разбирал уйгурский письменный памятник XI в. «Кутадгу билиг», обучая «приемам критики и толкования текста» (ГА РТ Р-1487: Д. 56. Л. 90). Как писал А.Н. Самойлович: «Занятия со слушателями Восточного педагогического института в общем доставили мне большое удовлетворение и ясно показали, что столица Татарской республики представляет безусловно благоприятную почву для собрания в ней одного из очагов тюркологии» (ГА РТ Р-1487: Д. 56. Л. 90.). Однако в 1925 г. Наркомпрос РСФСР утвердил новую структуру факультетов Восточного педагогического института, после чего ученые прекратили попытки возродить в Казани востоковедческий центр.

Образование национальных отделений Восточного педагогического института и преподавание татарского языка

Как известно, в начале 1920-х гг. в структурах Наркомпроса РСФСР шли дискуссии о том, какого учителя должны готовить педагогические вузы. В 1924 г. состоялась Всероссийская конференция по педагогическому образованию, на которой идеологи высшего образования договорились о том, что необходимо унифицировать учебные программы педагогических вузов, добиваясь того, чтобы преподавание в них было тесно связано с производственной практикой, и готовить прежде всего учителей-общественников, способных не только преподавать, но и вести общественно-организационную работу (Васильев 1966: 87–94). По итогам конференции в Москве состоялось ректорское совещание, вернувшись с которого ректор ВПИ С.П. Сингалевич, сообщил коллегам о том, что в свете принятых установок им придется осуществить в институте реструктуризацию. Изменения коснулись, главным образом, отделения востоковедения. В 1925 г. из него выделились татарское, чувашское национальные отделения и музейно-этнографическое. Первые два подразделения готовили учителей родного и русского языков для татарских и чувашских школ второй ступени. На музейно-этнографическом обучали внешкольных музейных

работников, но вскоре это направление было закрыто из-за отсутствия студентов.

В сравнении с учебными планами отделения востоковедения в программах татарского отделения были сокращены исторические дисциплины и полностью исключены курсы по этнографии народов Поволжья и Приуралья, археологии, а также источниковедческие предметы.

На первом курсе будущие учителя татарского языка изучали татарский язык, русский язык, введение в языкознание, историю культуры. На втором курсе – историю татарского языка, татарский фольклор, историю русской литературы, арабский язык, а также исторический курс «Феодализм и торговый капитал на Западе и в России в связи с историей татар». На третьем году обучения приступали к изучению истории татарского языка, истории татарской литературы, истории турецкой литературы, арабского, персидского языков и истории России. На последнем курсе начинались методические дисциплины – методика преподавания литературы и методика преподавания татарского языка (ГА РТ Р-1487: Д. 172. Л. 46–50).

Основными преподавателями татарского отделения остались Г. Шараф, Д. Валиди и Г. Рахим. Г. Шараф вел татарский язык, Д. Валиди преподавал историю татарского языка и сравнительное турецко-татарское языкознание, Г. Рахим – историю татарской литературы и татарский фольклор, поскольку был самым авторитетным исследователем в этих областях. В этот период на татарское отделение пришли новые преподаватели. Методику татарского языка вел Абдрахман Саади, приехавший в Казань из Средней Азии по приглашению руководителя Академического центра Татнаркомпроса Г. Ибрагимова, арабский язык преподавал Ахметхади Максуди, рекомендованный профессором А.Н. Самойловичем.

Студенты отделения являлись татарами по национальной принадлежности и свободно владели родным языком. Поэтому у преподавателей отпала необходимость делить учащихся на группы в зависимости от знания языка. Такие предметы, как «Грамматика татарского языка», «Методика преподавания татарского языка», «История татарской литературы», преподавались здесь только на татарском языке (ГА РТ Р-1487: Д. 279. Л. 9). Русский язык на татарском отделении вел специалист по методике преподавания русского языка в нерусских школах И.С. Михеев. Общие языковедческие дисциплины учащиеся слушали вместе со студентами литературно-лингвистического отделения, поэтому они должны были достаточно хорошо знать и русский язык.

Из-за узкой языковой специализации в сравнении с упраздненным востоковедческим отделением у национально-лингвистических отделений довольно быстро начались проблемы с набором студентов. Как отмечал в отчете уполномоченный по делам вузов Казани Н.З. Векслин, проверявший ВПИ в 1926 г.: «Узко лингвистическая установка вызывает малый и мало-квалифицированный приток студентов. Есть тяга с национальных отделений на общие отделения» (ГА РТ Р-1487: Д. 172. Л. 95). В это время мало

кто из молодых людей хотел изучать в чистом виде лингвистику или литературоведение. Молодежь была охвачена революционным романтизмом, поэтому в это время типичной была ситуация, когда абитуриенты поступали на национальные отделения, а затем подавали прошения о переводе на самое популярное – общественно-экономическое (Хайруллина 2011: 34). То же происходило и на русском литературно-лингвистическом отделении.

В 1927 г. Государственный ученый совет поменял учебные планы национальных отделений. На этот раз чиновники Наркомпроса РСФСР отказывались от исключительно литературно-лингвистической установки и вводили в большом объеме обществоведческие предметы – политэкономии, исторический материализм, историю классовой борьбы и др. Именно они заняли большую часть учебной программы татарского национального отделения и читались на всех четырех курсах. По данным профессора Н.В. Никольского, на долю литературно-лингвистических дисциплин приходилось всего 34% от всех учебных часов (Никольский 1927: 64).

В этот период, как и во многих других вузах, в Восточном педагогическом институте власти пытались внедрить бригадно-лабораторные методы обучения, в том числе и Дальтон-план, который считался в то время самым передовым. Студенты татарского отделения делились на рабочие группы, получали от преподавателя задания, которые должны были выполнять самостоятельно в специальных учебных кабинетах. Будущие педагоги занимались в кабинете татарского языка и литературы, организованного в 1927 г. в здании бывшего Института благородных девиц. Кроме того, учащиеся посещали кабинет экспериментальной фонетики профессора В.А. Богородицкого, ассистентом которого по совместительству был Г. Шараф (ГА РТ Р-1487: Д. 75. Л. 78).

Преподаватели, как правило, читали вводные лекции и консультировали слушателей в случае затруднений (ГА РТ Р-1487: Д.271. Л.121). Большую часть времени с учащимися проводили ассистенты-выдвиженцы – студенты старших курсов, выбранные предметными комиссиями для подготовки к научной деятельности. Они, как правило, дежурили в кабинете татарского языка и литературы и помогали младшим товарищам. Как писала в своей автобиографии ученица А.Г. Саади Амина Халитова, работая в кабинете татарского языка и литературы в качестве ассистента, именно она давала указания учащимся по выбору источников и материалов по истории татарской литературы и языку, объясняла методы их использования (ГА РТ Р-1487: Д. 129. Л. 43).

В конце 1920-х гг. менялись не только учебные курсы, их методы и содержание, но и педагогический состав татарского отделения. В эпоху «Великого перелома» от руководителей высших школ власти требовали привлечения в вузы преподавателей из категории «воинствующих материалистов-диалектиков». В случае с учебными заведениями Татарской АССР они должны были быть еще и представителями титульной нации. Эти требования в особенности усилились после ноябрьского пленума ЦК ВКП (б)

1929 г., обязавшего вузы готовить в ускоренном порядке специалистов для осуществления индустриализации. В 1929–1930 гг. администрация Восточного педагогического института во главе с новым директором Г.Г. Кудояровым приняла в штат института около 20 новых преподавателей и ассистентов. На татарское национальное отделение пришли специалисты, профессиональная деятельность которых была тесно связана с советскими учреждениями. В 1928 г. заведующим татарским отделением стал бывший нарком просвещения Крымской АССР, а в 1924–1930 гг. заместитель председателя Академического центра Татанаркомпроса Н.К. Мухутдинов (ГА РТ Р-1487: Д. 195. Л. 34). В 1929 г. татарский язык стал преподавать М.А. Фазлуллин – активный участник перевода татарского алфавита на яналиф. Он был сразу выдвинут руководством института на должность профессора (ГА РТ Р-1487: Д. 279. Л. 21). Известный литературный критик, главный редактор Татаиздата, Г.А. Нигмати получил в ВПИ должность доцента и преподавал историю татарской литературы после увольнения Г. Рахима (ГА РТ Р-1487: Д. 279. Л. 21). Ассистентами татарского национального отделения в этот период числились литераторы Г. Тулумбайский, Г. Гали (ГА РТ Р-1487: Д. 208. Л. 26). Стоявших у истоков преподавания татарского языка в вузах Казани Г. Шарафа, Г. Рахима и Д. Валиди, напротив, ожидал закат преподавательской карьеры. В начале 1930-х гг. в татарской периодической печати началась нападки на Г. Рахима и Д. Валиди, во многом инициированные их коллегами Г. Кудояровым и Г. Тулумбайским (Рахимов 1996: 150, 154). Вскоре Д. Валиди и Г. Рахим были репрессированы. Специальные органы обращали внимание на Г. Шарафа еще в конце 1920-х гг. в связи с его выступлениями против латинизации татарского алфавита. В 1930-е гг. его ожидали арест и восемь лет исправительно-трудовых лагерей. Развитие преподавания татарского языка в вузах Казани в последующие годы были связаны с методическими разработками профессоров М.А. Фазлуллина, Н.К. Мухутдинова, М.Х. Курбангалиева.

Таким образом, до 1917 г. татарский язык входил в число периферийных учебных курсов историко-филологического факультета Казанского университета. Однако в первые годы советской власти преподавание этой дисциплины в вузах существенно расширилось. Произошло это в Северо-восточном археологическом и этнографическом институте. Поскольку СВАИЭ был прежде всего центром казанской ориенталистики, татарский язык здесь вели востоковеды, ориентируясь на учебные программы разряда турецко-татарской словесности факультета восточных языков Петроградского университета. После упразднения СВАИЭ татарский язык остался одним из основных предметов в Восточной академии, где к его преподаванию были привлечены представители татарской научной интеллигенции – Г. Шараф, Д. Валиди, Г. Рахим. После смерти Н.Ф. Катанова, отъезда Н.И. Ашмарина и С.Е. Малова они стали ведущими преподавателями этого предмета.

В Восточном педагогическом институте преподавание татарского языка окончательно утратило востоковедческий уклон. Открытое в 1925 г. татарское национальное отделение должно было готовить не языковедов-исследователей, а учителей родного языка для школ второй ступени. При этом объемы, методы и формы обучения татарскому языку постоянно менялись в зависимости от изменений взглядов наркомпросовских чиновников на высшее педагогическое образование. Учебные часы на татарский язык то увеличивали, пытаясь придать татарскому национальному отделению узкопрофессиональный уклон, то уменьшали в пользу общественных дисциплин, пытаясь подготовить педагогов-общественников. Однако наиболее существенной для развития преподавания татарского языка в последующие годы оказалась, на наш взгляд, смена преподавательского состава на татарском отделении в 1929–1930 гг., когда «старую» татарскую интеллигенцию сменили «пролетарские кадры».

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

ГА РТ Р-225. – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 8.

ГА РТ Р-1337 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 18

ГА РТ Р-1339 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 4, 16.

ГА РТ Р-1487 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 39, 56, 75, 129, 172, 195, 208, 271, 279.

Никольский – Никольский Н.В. Национальные отделения Восточного педагогического института (организация и работа) // Новый педагог. Организация и работа в ВПИ в Казани. Итоги 5 лет 1922–1927 гг. Казань, 1927. С. 62–66.

Обозрение 1909 – Обзор преподавания в Императорском Казанском университете в 1909–1910 учебном году. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1909.

Обозрение 1916 – Обзор преподавания и наук по факультету восточных языков Императорского Петроградского университета в осеннем полугодии 1915 года и в весеннем полугодии 1916 года. Петроград: Типография Б.М. Вольфа, В.О., Волховский пер., 4, 1915.

Обозрение 1917 – Обзор преподавания в Императорском Казанском университете на 1917–1918 учебный год. Казань.: Типо-литография Императорского университета, 1917.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Валеев Р.М., Валеева Р.З., Хайрутдинов Д.Р. Востоковедение в Казани: Восточный факультет должен существовать при Казанском государственном университете. 1924–1925 // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2020. №3. С. 65–90.

Васильев К.В. Очерки по истории высшего педагогического образования в РСФСР (1918–1932 годы). Воронеж: Центрально-черноземное книжное издательство, 1966.

Бушуева Л.А. Преподавание татарского языка в вузах Казани в 1920-е гг.: от древнетюркской письменности к Дальтон-плану

Кириллова З.Н., Калганова Г.Ф. Применения татарского языка в вузах Татарстана 1920–1930-х гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. №6 (428). Филологические науки. Вып. 117. С. 71–76.

Мирзагитов Р.Х., Юсупов Р.А. Татарская лингвистика и образование // Вестник Казанского государственного педагогического университета. 2006. №2(6). С. 125–135.

Рахимов С. Дж. Валиди: «У меня разногласия с соввластью» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1996. №1/2. С. 150–173.

Хайруллина А.И. Социально-экономическая и общественно-политическая характеристика студенчества Восточно-педагогического института г. Казани в 1920-е гг. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011.

Сведения об авторе: Бушуева Людмила Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории и теории национального образования Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина 7А, Казань, Российская Федерация); bushueva9@mail.ru

Поступила 1.10.2021

Принята к публикации 22.11.2021

Опубликована 29.11.2021

TEACHING THE TATAR LANGUAGE IN KAZAN INSTITUTES OF HIGHER EDUCATION IN THE 1920S: FROM OLD TURKIC WRITTEN LANGUAGE TO THE DALTON PLAN

L.A. Bushueva

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
bushueva9@mail.ru*

The article examines the process of the Tatar language teaching formation in Kazan institutes of higher education in the 1920s on the example of institutes in the Humanities sphere: the North-Eastern Archaeological and Ethnographic Institute, the Eastern Academy and the Tatar National Branch of the Eastern Pedagogical Institute. The research is based on a wide range of unpublished sources from the funds of the State Archive of the Republic of Tatarstan.

The study examines the curriculum of the disciplines within which the Tatar language was studied, the teaching forms and methods, as well as the formation of a team of specialists who taught the language during that period. Special attention is given to the study of the socio-political conditions in which the Tatar language instruction developed. It has been established that in the first years of the Soviet regime, the Tatar language was taught in Kazan institutes mainly by orientalists. Therefore, teaching this subject was closely related to oriental studies and source studies disciplines. Students mastered not only the spoken Tatar language, but also learned to work with Old Turkic writing manuscripts.

Teaching the Tatar language in the second half of the 1920s was aimed primarily at training teachers of the native language. That period was distinguished by the instability of curricula, the introduction of new teaching methods, including the Dalton plan, and also changes in teaching staff.

Keywords: teaching the Tatar language, North-Eastern Archaeological and Ethnographic Institute, Eastern Academy, national branches of the Eastern Pedagogical Institute

For citation: Bushueva L.A. Prepodavanie tatarskogo yazyka v vuzah Kazani v 1920-e gg.: ot drevnetyurkskoy pis'mennosti k Dal'ton-planu [Teaching the Tatar language in Kazan institutes of higher education in the 1920s: from Old Turkic written language to the Dalton plan]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 2, pp. 208–220. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.208-220>

REFERENCES

Valeev R.M., Valeeva R.Z., Khayrutdinov D.R. Vostokovedenie v Kazani: Vostochnyy fakul'tet dolzhen sushchestvovat' pri Kazanskom gosudarstvennom universitete. 1924 – 1925 [Oriental Studies in Kazan: The Oriental studies Faculty Should Exist under Kazan State University. 1924–1925]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*, 2020, no. 3, pp. 65–90. (In Russian)

Vasil'ev K.V. *Ocherki po istorii vysshego pedagogicheskogo obrazovaniya v RSFSR (1918 – 1932 gody)* [Essays on the History of Higher Pedagogical Education in the RSFSR (1918–1932)]. Voronezh: Tsentral'no-chernozemnoe Publ., 1966. (In Russian)

Kirillova Z.N., Kalganova G.F. Primeneniya tatarskogo yazyka v vuzakh Tatarstana 1920–1930-kh gg. [The Use of the Tatar Language in Tatarstan Universities in the 1920s – 1930s]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 6 (428). *Filologicheskie nauki*, vol. 117, pp. 71–76. (In Russian)

Rakhimov S. Dzh. Validi: «U menya raznoglasiya s sovvlast'yu». [J. Validi: “I Have Disagreements with the Soviet Government”]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*, 1996, no. 1/2, pp.150–173. (In Russian)

Khayrullina A.I. Sotsial'no-ekonomicheskaya i obshchestvenno-politicheskaya kharakteristika studenchestva Vostochno-pedagogicheskogo instituta g. Kazani v 1920-e gg. [Socio-economic and Socio-political Characteristics of the Students of the Eastern Pedagogical Institute in Kazan in the 1920s. Cand. Sc. Hist. Diss.]. Kazan, 2011. (In Russian)

About the author: Lyudmila A. Bushueva, Cand. Sc. (History), Senior Research Fellow of the Center of History and Theory of National Education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); bushueva9@mail.ru

Received October 1, 2021

Accepted for publication November 22, 2021

Published November 29, 2021